

Охрименко Ольга Юрьевна

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение

«Средняя общеобразовательная школа № 19»

Иркутская область, г. Братск

ПРОБЛЕМА ЛЮБВИ В РОМАНЕ Л.Н.ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Роман «Анна Каренина» - любовный роман, где прослежена вся история любви от её зарождения и до гибели героини, - история, в которой кроме стыда, ужаса, смятения, отчаяния, ревности, трагических предчувствий, не могло не быть и иного счастья, в этом любовном романе счастье любовной страсти никогда не изображается изнутри.

Как зарождается любовное чувство? Толстой всегда различал любовь к лицу и любовь к любви. Он показал и то, как они переходят друг в друга. Любви, по Толстому, всегда предшествует потребность в любви. Левин вымечтал себе идеальную семейную жизнь и идеальную жену, и лишь потом его душа остановилась на Кити. О душевном состоянии Анны до встречи с Вронским Толстой не говорил ничего – фокус на её душу наводится впервые только в поезде, когда она возвращается в Петербург. Но ясно: она так создана, что Вронский или не Вронский должен был появиться.

Кити к началу романного действия влюблена во Вронского, но за секунду до того, как Левин сделал ей предложение, она не знала, что ответит ему.

Но вот избранник (избранница) появляется, чувство кристаллизуется. Для одних – свет клином сошелся, для других – нет. Левин желает Кити – и не может. Анна была одержима страстью к Вронскому, и любое движение в



сторону от её рокового пути было для неё невозможно. А Кити подтверждает слова, сказанные о ней Анной: «И Кити также: не Вронский, то Левин».

Анна не просто индивидуальность, но и личность, о чем свидетельствует её способность к безоглядной страсти. В этом одна из причин её гибели и безоговорочного осуждения некоторыми читателями, ибо существование личности трудно переносится теми, кто называется толпой. Сошлемся на глубокое суждение Бердяева о том, что «обыденное мирское сознание» признает лишь три состояния пола: «подзаконную семью, аскетизм и разврат», а любовь «не вмещается ни в категорию семьи, ни в категорию аскетизма, ни в категорию разврата». «В любви есть что-то аристократическое и творческое, глубоко индивидуальное, внеродовое, не каноническое, не нормативное, она непосильна сознанию среднеродовому».

Реальная жизнь – это величайшая проблема, говорит своим романом Толстой. Он обнажает каждую грань проблемы и заставляет в неё всмотреться. Анна олицетворяет собой любовь. Анна любила потому, что создана была любить. Не она избрала любовь, а любовь как могучая сила жизни избрала её, чтобы воплотиться. В этом всё оправдание Анны. Но какую роль играет личность возлюбленного? Вронский по своему уровню уступает высоким толстовским героям. Дело не только в том, каков Вронский объективно. В этом любовном романе нет ни одной любовной сцены, равной по силе сцене свидания с Серёжей, когда читатель вплотную прикасается к сердцу Анны и, как свою, чувствовал её нежность, её боль, её счастье, её муку и ощущал – так же, как она, - всю детскую прелесть этого тёплого сонного мальчика. Ни разу через сердце Анны мы не любим Вронского. Толстой этим чувством не заражает, потому что никогда не освещает Вронского преобразующим светом влюбленности. Всегда мы видим со стороны – трезво и спокойно. Так и сам способ изображения заставляет вполне проникнуться материнским чувством Анны, но не её любовным чувством.



Толстой рисует любовный сюжет во всей его протяженности: от завязки до рокового конца.

При первом появлении Анны с сцене её приезда Толстой заостряет внимание на избытке в её существе любовного отношения к людям. Вронского поражает что-то особенно ласковое и нежное в её лице, поражает проявление её искренней радости и любви при встрече с братом. Она доверчива по отношению к людям, готова видеть в них всё хорошее, как это проявляется и в отношении к Вронскому, которого она по рассказам его матери готова считать героем, и в отношении к самой его матери. Когда старуха Вронская произносит банально-любезную фразу о том, что она её полюбила, Анна верит, радуется этому и платит искренней симпатией.

Анна встречает Вронского, и в ней зарождается чувство любви к нему. Анна откликается на то нравственное благородство, душевное богатство, каким, как ей показалось, обладает Вронский в противоположность Каренину, слишком сухому и рассудочному. Такому представлению о Вронском способствовали рассказы его матери о том, как он отдал состояние брату, как он в детстве спас женщину из воды, какой он вообще рыцарь. В русле тех же впечатлений оказался и поступок Вронского, когда он откликнулся на мысль помочь жене раздавленного поездом сторожа. Симпатия Анны к Вронскому, как он ей представлялся, естественна и возникает прямо из известной уже нам хорошей стороны её натуры.

Овладевшее Анной чувство, сразу же вносит в её поведение нечто противоположное прежней любовной обращенности к окружающим. Недаром даже дети Долли «потому ли, что дети не постоянны или очень чутки и почувствовали, что Анна в этот день совсем не такая, как в тот, когда они так любили её, что она уже не занята ими, но только они вдруг прекратили свою игру с тетей и любовь к ней, и их совершенно не занимало то, что она уезжает».



Первые главы второго тома (пятой части романа) показывают Анну и Вронского за границей, где они живут для удовлетворения своего обоюдного личного чувства, нарушив для него все связи с другими людьми, не выполняя по отношению к другим никаких обязанностей, на чем делает очень важный для него акцент Толстой. Сначала они счастливы свободой своего чувства, и Анна за этим счастьем забывает о сделанном ею несчастье мужа, оторвав его от себя, говорит Толстой, как отрывают для своего спасения вцепившегося утопающего человека и для своего же спасения забывают страшные подробности его гибели. Не мучается она даже самой разлукой с сыном, не ощущая ещё, что это полный разрыв с ним. Но вскоре оказывается, что чувство, на котором строится теперь её жизнь, оказывается слишком непрочной жизненной основой. У Вронского появляются следы пресыщения, и с этого момента душевные силы Анны направляются главным образом на то, чтобы всеми средствами поддержать его чувство.

Когда имеется высшая цель вне личного качества любви, человек примиряется с утратой последнего. Толстой специально с этой мыслью вводит в роман пример Долли, находящей после потери чувства Стивы душевное удовлетворение и внутреннюю гармонию в самоотверженной любви к детям. Анна же эти цели утрачивает в связи со своей всепоглощающей страстью, не только отрезав от себя Серёжу, но и не находя в своей душе сил для любви к своей дочери. И это её вина, по Толстому, получает внутреннее искупление в виде страданий и борьбы, связанной с возможностью утраты чувства Вронского.

Мучительное сомнение в любви Вронского является главным моментом самочувствия Анны. Прежде всего, Анна раскрывается в той внутренней тревоге за чувство Вронского, которая определяет всё его поведение, так удивившее Долли. Начав говорить совсем о другом и, видимо, не желая говорить об этом, она как бы нечаянно проговаривается о том, как ужасно она



себя чувствует, когда Вронский не дома и занят не ею. Она открывает Долли своё намерение препятствовать появлению на свет своих будущих детей, и как главный мотив этого безнравственного, по Толстому, ужаснувшего Долли намерения, выступает желание быть постоянно внешне привлекательной для Вронского. Чувствуя необходимость нравственного оправдания, Анна, сначала прямо сказав об этом, пытается потом мотивировать свои побуждения иначе, тем, что лучше якобы и что хуже для самих детей, но Толстой умышленно заставляет её запутаться в этом рассуждении и показывает, таким образом, что все-таки определяющим является первый, сугубо личный мотив.

Толстой по-прежнему с глубокой жалостью и сочувствием к своей страдающей героине показывает стихийную силу её любви и закономерность вытекающих из неё последствий. Он переживает трагедию Анны вместе с ней. Однако в конечном итоге это не снимает его отрицания, с точки зрения высших нравственных требований, той жизненной сферы, в которой очутилась его героиня. С явным моментом отрицания продолжает он и в последних главах показывать все те же принижающие Анну усилия, которыми она старается удержать то единственное, чем она способна теперь жить, и чему в жертву принесено всё более высокое. Все занятия Анны чтением учёных книг, писательством, филантропией обуславливаются не действительной любовью к этим занятиям, а конечной целью – привлечь Вронского, увеличить свое достоинство в его глазах и потому, как постоянно старается подчеркнуть Толстой, они неприятны в своей искусственности, отталкивающей и самого Вронского. При всей её занятости как будто посторонними делами «главная забота её, - пишет Толстой, - все-таки была она сама – она сама, насколько она дорога Вронскому, насколько она может заменить для него все, что он оставил».

В конце концов, внутренняя сосредоточенность в области личного подготавливает окончательную утрату жизненных опор и то нравственное



затмение, закономерным результатом которого является для Толстого самоубийство Анны, как показывает художественный материал соответствующих глав, погибает в конечном итоге потому, что идет до конца в исключительной сосредоточенности на своем личном чувстве и утрачивает способность любви ко всему, что не есть она сама. А без этого, по Толстому, невозможна самая жизнь, которая держится, как он хочет сказать, именно способность любить что-то вне себя самого.

В романе нет материала, доказывающего, что Вронский разлюбил Анну, но ему чем дальше, тем больше не нравилось, даже корбило, её состояние сосредоточенности на нём одном и постоянного опутывания его «любовными сетями». «Чем больше проходило времени, чем чаще он видел себя опутанным этими сетями, тем больше ему хотелось не то, что бы выйти из них, но попробовать, не мешают ли они его свободе. Если бы не это все усиливающееся желание быть свободным, не иметь сцены каждый раз, как ему надо было ехать в город на съезд, на бега, Вронский был бы вполне доволен своей жизнью». И в последний период их жизни именно постоянная раздражительная требовательность Анны, «имевшая основанием уменьшение его любви», вызывала в нем, при всей привязанности к ней, «раскаяние в том, что он поставил себя ради неё в тяжелое положение, которое она вместо того, чтобы облегчить, делает ещё более тяжелым».

Список литературы:

1. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22-х т., Т.21, Дневники 1847-1894. М.: Художественная литература, 1985. – С.511
2. Касаткина Т. Философия пола и проблема женской эмансипации в «Крейцеровой сонате» Л.Н.Толстого// Вопросы литературы. – 2001. - № 4. – С.7.
3. Сливицкая О.В. О многозначности восприятия «Анны Карениной»// Русская литература. – 1990. - № 3. – С.44.

